

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РАБОТАХ ЗАПАДНЫХ ИСТОРИКОВ МАРКСИЗМА

В данной статье формулируется целостный взгляд на Октябрьскую революцию, основанный на работах западных историков марксизма. Рассматривается вопрос необходимости и обусловленности революции, ее соответствие марксистским теоретическим моделям, представляется аргументация в пользу тезиса о ее исторической обусловленности. Можно сказать, используя материалы упомянутых ранее историков, что Россия не была полноценно готова к смене общественно-экономической формации из-за слабого промышленного и социального развития. Вместе с этим социалистический характер изменений, выбор которого также может быть рационален в контексте *мировой революции*, видится единственной альтернативой исчезновению российской государственности в ее прежнем виде. Тяжелое социальное и экономическое положение может быть объяснено марксистскими тезисами об общественно-экономических формациях и несостоятельностью европейских коммунистических восстаний. Попытка объяснить послереволюционную историю основана на рассмотрении советской бюрократии как полноценного социального класса, который со временем закрепляется и стремится защищать свои классовые интересы. Формирование этого класса в таком виде объясняется как раз многими фактами и условиями протекания Октябрьской революции. Динамика этого классового устройства и сталинизм рассматриваются как основные причины несостоявшейся демократизации Советского государства.

Октябрьская революция, марксизм, западный марксизм, СССР, общественно-экономическая формация, классовая борьба.

Октябрьская революция явилась одним из крупнейших политических событий двадцатого века, игнорировать которое, даже при желании, совершенно невозможно ни для историков, ни для социальных философов. Вместе с этим, как правило, широко известными оказываются две трактовки природы, характера и значения этих событий: догматически восторженные и несомненно положительные со стороны авторов, имевших свое творческое бытие исключительно в рамках исторической и философской конъюнктуры социалистических стран, либо, наоборот, в лучшем случае, сдержанно отрицательные, заключающие в себя неприкрытое отторжение и агрессивные выпады в сторону действовавших лиц и всех их идейных наследников. К последнему лагерю соответственно относятся те, кто жил в странах явно капиталистически ориентированных. Все это совершенно неудивительно, так как для части авторов это было важным средством пропаганды своих идей, а для других – малейшая демонстрация сомнения могла оказаться актом непозволительной нелояльности. Октябрьский переворот оказывается объектом, для искреннего исследователя весьма затруднительным для изучения. Постигать его следует через непосредственно исторические факты, с минимальными ссылками на признаваемых аналитиков прошлых поколений, тщательно просеивая всякую интерпретацию этих самых фактов.

Несомненно, что лицо революции было сформировано марксистским учением, но также несомненно, что и дальнейшее развитие марксизма было необратимо изменено событиями, имеющими свое логиче-

ское начало в октябре 1917 года. В межвоенный период, когда Советский Союз оказался единственным социалистическим государством, помимо Монголии, которую, в силу многих обстоятельств, сложно рассматривать как действительно самостоятельный политический субъект, СССР закономерно получил фактическую монополию на развитие марксизма как учения и как идеологии. Тем более однородной стала эта монополия в результате деятельности И.В. Сталина после его победы во внутрипартийной борьбе. Таким образом, центр развития марксизма сместился на восток, от преимущественно западноевропейских теоретиков к теоретикам марксизма-ленинизма, каким мы его привыкли воспринимать, и сталинизма. Но также возник и новый феномен: те марксистские направления, которые впоследствии стало принято называть *западным марксизмом*. Представители этого направления выбрали путь иного осмысления Маркса, отличного как от точки зрения идеологов Советского государства, так и совершенно неприемлемого для антикоммунистов. Эти люди сознательно отлучали себя от общественной политической жизни публикацией своих идей, так как ни элита социалистического лагеря, ни таковая у стран антисоциалистического блока не могли позволить себе подпустить их сколько-нибудь близко к социальным позициям, связанным с реальным управлением. Соединенные Штаты Америки официально и неофициально запрещали этим людям въезд на свою территорию.

Под западным марксизмом не понимается какое-то конкретное течение, столь когерентное как, например, советский марксизм-ленинизм. Можно выделить

несколько основных школ: гибридный фрейд-марксизм (В. Райх, Э. Фромм), экзистенциальный марксизм (Ж.П. Сартр, А. Лефевр, К. Косик, Дж. Льюис), феноменологический марксизм (Э. Пачи), Будапештская школа (А. Хеллен, Ф. Фехер, Д. Маркуш, М. Вайда), группа «Праксис» (Г. Петрович, П. Враницкий, М. Марокович, С. Стоянович) [13]. Появились также профессиональные западные историки марксизма (И. Дойчер, Э. Хобсбаум, Т. Иглтон, М. Мэтьюз, И. Бёркхолл, К. Харманн, Э. Карр, К. Хилл, Р. Сьюэлл), задачей которых была интерпретация нового исторического бытия в терминах марксизма. Разумеется, они не могли обойти вниманием социалистическую революцию в России. Данная статья посвящена изложению этих работ, выделению их основных тезисов о предпосылках, природе, последствиях революции, а также ее месте в мировой истории.

Начать следовало бы с анализа предпосылок революции, а также рассмотреть ответ на вопросы:

1) Была ли это революция закономерна или случайна?

2) Каковы альтернативы этого развития событий?

Социалистическая революция есть частный способ прогрессивного перехода от капиталистической формации к более совершенной – социалистической [7]. Переходы между общественно-экономическими формациями имеют собственное основание, и их успешность обусловлена внутренней эволюцией предыдущей формации. Нельзя просто пропустить очередную формацию и прийти к той, что идет после нее [3]. Невозможно перейти от традиционного общества к капиталистическому, так как, как минимум, это требует развитого разделения труда, которое в условиях традиционного общества невозможно. Не представляется возможным, или, во всяком случае, не представляется простым и естественно протекающим переход от одной формации к последующей без должного развития качества исходной. Капитализм сам по себе не является антагонизмом коммунизма для Маркса: он предлагает лучшие условия жизни по сравнению с предыдущими формациями и позволяет создавать немислимо большой объем товаров. Однако капитализм не задается целью справедливого и гуманного распределения этих товаров, что проводит между ним и социализмом резкую границу [19]. Проблема октябрьской революции в этом ключе заключается в том, что Россия начала двадцатого века не представляла собой общества развитого капитализма: экономика преимущественно аграрная, пролетарский класс немногочисленен, производные от феодализма социальные отношения существовали еще в крайне крепкой форме и отмена крепостного права не смогла это качественно изменить. В 180-миллионной предвоенной России насчитывалось около 3 млн подданных, занятых в промышленности, что составляет менее 2% от общего числа [10]. Для сравнения: в передовых индустриальных странах, то есть во Франции, Германии и Великобритании, доля рабочих составляла 30, 40 и 51% соответственно [6, 18]. Построение социализма предполагает установление общественного контроля над производством, которое нуждается в этом когда приобретает общественный характер. При этом промышленность в предреволюционной России

еще не приобрела самого общественного характера. Последствия попытки нарушения марксовских правил смены формации выразились в том, что индустриализация страны проводилась в условиях нищеты и голода.

«Сам Маркс никогда не считал, будто социализм можно достичь в условиях бедности... Вам не удастся за счет перераспределения материальных благ обеспечить всех, если имеется очень мало благ для перераспределения. Вам не удастся упразднить социальные классы в условиях скудости, поскольку конфликты из-за материальных ресурсов, которые слишком малы, чтобы обеспечить всех, вернут ситуацию в прежнее состояние» [3, с. 43].

«Сельскохозяйственное производство, в котором было занято три четверти самостоятельного населения, было расплыто между 23–24 млн мелких хозяйств и зависело от стихийно складывающихся цен на рынке. Национализированная промышленность составляла ничтожную часть отсталого, подверженного стихии рынка. А это означает, что в России не существовало еще одного важного условия для построения социализма – изобилия товаров и услуг, которые необходимы, чтобы – на высоком уровне развития общества – удовлетворять потребности членов этого общества на достаточной равной основе... Нехватка товаров неизбежно порождает неравенство» [1, с. 153].

Существует мнение, что революция оказалась лишним социальным потрясением, которое произошло по вине горстки ее «инициаторов», что она была *незакономерна*. Могла ли революция в России быть случайным событием, если она развернулась трижды за два десятилетия? Не говорит ли это о том, что состояние социума было таковым, что оно было готово в любой момент взорваться на протяжении многих лет?

По всем признакам переворот в России не должен был иметь социалистический характер. Предрекалось, что Россия должна пережить, вследствие своих особенностей и невежества монарха, именно буржуазную революцию. Многие из русских марксистов к 1905 году признавали, что социалистическая революция должна начаться в одной из западно-европейских стран, бывших индустриальными лидерами. И даже к концу Первой мировой войны казалось, что так и произойдет, ибо социальная обстановка в первую очередь в Германии, а также в Австро-Венгрии и, частично, Франции также была взрывоопасна и породила воинственно настроенные движения коммунистической направленности. Но обстоятельства сложились так, что именно Россия первой рухнула под тяжестью усталости и всеобщего недовольства. Первоначально все прошло согласно ожиданиям – в России случилась февральская революция, буржуазная по своей природе.

Значит ли это, будто западные марксисты полагают, что совершение социалистической революции в России было выбором, который следовало сделать иначе? Для той России вполне актуальна была буржуазная революция, собственно, произошедшая в феврале 1917 года, но у Временного правительства не хватило ни энергичности, ни решимости провести нужные реформы, что удалось сделать большевикам. Революция видится закономерным историческим событием, которому свойственна противоречивая оценка: несмотря на то что Россия рассматривается как одна

из наименее благоприятных в Европе стран для построения социализма, вместе с тем, правящие классы России оказались наиболее уязвимыми для социалистической революции.

«Одна из проблем, связанных с социалистическими революциями, состоит в том, что они с наибольшей вероятностью разворачиваются там, где их сложнее всего поддерживать. Ленин особо отмечал такую иронию применимо к большевистскому восстанию. Для людей, жестоко угнетаемых и полуголодных, сравнительно проще прийти к выводу, что, решившись на революцию, они ничего не потеряют. С другой стороны, как мы видели, отсталые общественные условия, которые толкают их к восстанию, одновременно делают их страну худшим из возможных мест для начала строительства социализма» [3, с. 242].

Эрих Хобсбаум рассматривает восстание в России и падение монархического режима как неизбежные и, более того, очевидные уже для его современников с 1870-х годов [12]. Однако это событие лишь создало политический вакуум из-за антагонизма Временного правительства, имевшего свои амбиции и цели, но, в сущности, беспомощного, и Советов, которые обладали реальной властью, но не имели понятия о том, как следует ее использовать. Бёркхолл предостерегает от восприятия Ленина и большевиков как драматургов революции, полностью владевших ситуацией [14]. Единственным преимуществом большевиков перед своими оппонентами в этой ситуации было понимание желаний народа и своевременное использование этих желаний.

Также в историографии западного марксизма можно найти возражения следующим известным утверждениям, признающим адекватность восстаний происходившей реальности:

1) можно было сохранить монархию, возведя на престол другого претендента;

2) можно было форсировать элементы конституционной монархии, усилив роль парламентского органа;

3) можно было ограничиться Февральской революцией, оставив Россию буржуазной республикой.

Дойчер активно возражает против мнения о том, что историческая обусловленность революции опирается лишь на личность Николая II. Николай – это не просто человек, обладающий неким набором черт, способностей и навыков, а также продукт деятельности определенных классов, отстаивающих их интересы перед интересами прочими. Революция была неизбежна социально, исходя из закономерной классовой динамики Российской империи, также как и невозможность Временного правительства исполнить ожидания обосновывается не столько личными чертами Керенского, сколько экономической зависимостью буржуазного класса от западного капитала. Критикует он также позицию последователей де Токвиля, рассматривавших аналогии между русской и французской революциями, за мнение о том, что не революции, а послереволюционные социальные изменения исторически детерминированы [1]. Хотя новый режим и строился «из кирпичей» режима старого, нельзя считать его продолжением. Монархистская Россия находилась де-факто на полукOLONIALном положе-

нии в том смысле, что абсолютное большинство добывающих и перерабатывающих предприятий являлись собственностью запада, незаинтересованного в решении российских социальных проблем своими средствами. Таким образом, слабое развитие производственных сил не трактуется как аргумент в пользу выбора иного пути развития страны. Это оказывается показателем, что Россия либо перейдет в следующую общественно-экономическую формацию, пусть она и не удовлетворяет ее условиям, либо прекратит свое существование в том смысле, в каком прекратили свое существование Австро-Венгерская и Османская Империи.

«Россия могла бы вырваться вперед в деле промышленного развития только за счет своего сельского хозяйства и невероятных усилий собственных рабочих. Ни одно из этих условий не могло быть выполнено при старом режиме. Царские правительства находились в слишком большой зависимости от западного финансового капитала и не могли отстаивать перед ним национальные интересы России» [1, с. 139].

Несмотря на подчеркнутую неадекватность намерений и способностей лидеров февральской революции, она оказывается необходимостью для возможности переворота в октябре. Авторы, по большей части, соглашаются с тем, что рабочий класс, несмотря на свою организованность, был слишком малочисленным для того, чтобы составить силы народных масс. Крестьянство же было недостаточно надежной опорой, в том смысле, что на протяжении девятнадцатого века показало себя консервативной силой по отношению к пролетарской революции. Успех большевиков кажется невозможным без поддержки крестьян, получить которую можно было только в случае, если бы буржуазная элита, представляемая Временным правительством, не дискредитировала бы себя действием и бездействием.

Получается, что Октябрьская революция была лучшим выходом из сложившейся ситуации. Тяжелые годы общей разрухи и голода, обусловленные ранее указанными причинами, не были неожиданным явлением для Ленина и большевистского крыла РСДРП, но в то же самое время они предполагали эту закономерность, в определенном смысле, нарушить [4]. Решимость, двигавшая будущих *профессиональных революционеров*, была порождена верой в то, что переворот в России возымеет решающее значение в деле начала революции Мировой. Вера, надо сказать, была небезосновательна [17]. Как уже упоминалось ранее, прочие страны, втянутые в мировую войну, также испытывали значительное социальное напряжение, которое выливалось в забастовки рабочих, солдатские и матросские бунты и, в итоге, создало несколько переворотов в передовых промышленных странах. Через несколько недель после взятия Зимнего дворца волна массовых забастовок и волнений прокатилась по Центральной Европе. Она началась в Вене и Будапеште, распространилась через чешские регионы в Германию и закончилась восстанием австро-венгерских военных моряков на Адриатике. На непродолжительное время на карте Европы появился ряд советских государств: Баварская и Бременская Советские Республики в Германии, Эльзасская Совет-

ская Республика во Франции, Венгерская Советская Республика, Словацкая Советская Республика и Лигерийский Совет на территории Ирландии. Сотрясаемая внутренними противоречиями Австро-Венгерская империя развалилась на части. Для того, чтобы успокоить крестьян в странах Центральной и Восточной Европы пришлось пойти на значительные уступки крестьянам и рабочим и начать реализовывать проекты земельных реформ. В марте 1919 года в заключительной речи при закрытии учредительного конгресса Интернационала Ленин заявил, что «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики» [5, с. 512]. Заявление было небезосновательно, так как этих прогнозов, как возможной реальности, уже боялись и зарубежные противники коммунистического движения. Коммунисты породили волну антивоенных протестов, и именно поэтому завершение Первой мировой войны привело к спаду революционных настроений в Европе. Образование группы новых государств в Восточной Европе было частью проекта по сдерживанию революции, они стали служить своеобразным буфером между Советской Россией и странами на которые она надеялась. Утверждение о влиянии поддержки развитых социалистических экономик подтверждается произошедшей позднее социалистической революцией в Китае. Китайская экономика была еще уязвимее, чем экономика послереволюционной России, однако социальная обстановка не содержала всех трудностей, которые пришлось перенести Советскому Союзу. Очевидно, это произошло благодаря всесторонней экономической помощи со стороны СССР. Кризис советско-китайских отношений вызвал незамедлительное обострение внутренних противоречий в КНР. Важность мировой революции и опасности ее провала были совершенно ясны и в 1917 году, на Втором Всероссийском съезде Советов Троцкий заявил: «Надежду свою мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, – это несомненно. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу» [11, с. 441].

К 1921 году стало понятно, что мировая революция провалилась, несмотря на то что Энгельс утверждал о связи детерминистического рода между локальным социалистическим переворотом и мировым [8]. С другой стороны, это показало ложность предсказаний Троцкого: Советский Союз выстоял в условиях слабой промышленности, отсутствия полного внутреннего единства, международной изоляции и интервенции. Хобсбаум говорил, что политику большевиков нельзя назвать в полной мере последовательной в первые годы после революции. Между решениями и последствиями связь была скорее хаотической, приходилось не строить далеко идущие планы, а решать постоянно возникающие сиюминутные проблемы. Он выделяет следующие основные причины успеха и выживания России как социалистического режима в течение десятилетия после 1917 года:

1) высокая подготовка, сплоченность и организация членов коммунистической партии, которая смогла

заполнить собой пространство органов государственного управления;

2) коммунисты были единственной политической силой, которая была твердо намерена и была способна сохранить Россию как единое государство. Это обеспечило им определенную поддержку патриотически настроенных слоев населения, в первую очередь – офицеров;

3) решение коммунистов провести земельную реформу в соответствии с ожиданиями крестьянства.

Главной ошибкой Ленина и большевиков Хобсбаум и Карр называют внутреннюю политику третьего Коминтерна. Изгоняя из него все партии и деятелей, чье видение марксизма отличалось от позиций большевиков, они надежно исключали возможность противоречий и оппортунизма, однако снизили общую организованность коммунистического движения. Это все имело бы смысл при одном условии: если бы мировая революция была на подъеме, а ее важные сражения были бы делом самого ближайшего времени [15].

Дойчеру и Харману принадлежит одно очень важное замечание, касающееся состояния рабочего класса после переворота. К моменту оформления большевистского правительства и ранее немногочисленный пролетариат практически прекратил свое существование: происходил постоянный отток населения в сельскую местность из мучимых голодом городов, рабочие вливались в новое правительство, армию и полицию, а все прочие скорее стремились к занятиям мелкой торговлей, нежели работать в промышленности. Диктатура пролетариата не могла осуществляться в таких условиях [16]. Рабочие должны были составить ту сознательную массу, которая бы служила противовесом, сдерживающим новообразованный бюрократический аппарат. Вопреки частным мнениям, государственная бюрократия является опасной угрозой для пост-капиталистического общества, даже если она первоначально составлена из, собственно, рабочих и идейных коммунистов. Приемлемость этого вступает в противоречие с намерением марксизма уничтожить государство как таковое, так как оно само по себе представляет опасность в деле движения к коммунистической формации [7]. Неправильно говорить о том, что большевики не осознавали сложности ситуации, в которой они оказались, однако положение было безальтернативным, если не считать альтернативой передачу власти только что поверженным противникам. В итоге, это состояние управления государством было принято как временная мера до того момента, когда рабочий класс окажется достаточно многочисленным и организованным, чтобы принять власть от бюрократических кругов [9].

Этого не свершилось: благоприятные для этого условия были достигнуты уже в 1930-е годы, однако подобное решение шло вразрез со сталинским авторитаризмом. Из-за идеологических чисток к 1953-му году бюрократия, с одной стороны, все еще обладала всей полнотой власти, а с другой – уже не понимала сущности проблемы, перестала быть сознательной. Поэтому она далее стала массой, которая преследует свои классовые интересы. С этой точки зрения октябрьская революция приостановила классовую борьбу

бу лишь на короткий период, после которого советская история представляется как часть мировой борьбы эксплуататоров с эксплуатируемыми, причем она является уникальным примером этой борьбы. Дойчер отмечает неординарность бюрократии как социального класса: хотя его логичнее всего рассматривать как класс эксплуататоров, он, тем не менее, обладает не всеми его характерными признаками. Представители Центрального Аппарата обладали значимыми социальными привилегиями, их доходы основывались на *прибавочной стоимости*, производимой рабочими, они занимали господствующее положение в экономической, политической и культурной жизни советского общества. Однако, что нестандартно, этот класс не обладал собственностью, он обладал серьезным доходом, но не мог обратить его в капитал, его члены не могли передать свои привилегии по наследству. Желание обладать правом собственности оказывается главной и естественной целью такого класса и основной опасностью для завоеваний и развития марксизма в СССР.

Этой тенденции противопоставляются объективные процессы интеллектуализации рабочих. В условиях отсутствия накопления капитала социальное положение диктуется исключительно текущим родом деятельности, его престижем и доходами. Образование оказывается важнейшим фактором передвижения по социальной лестнице, но, при этом, экономика в таком количестве работников интеллектуального труда не нуждалась, и это привело к появлению и расширению прослойки образованных рабочих.

Важной идеей размышлений Дойчера об Октябрьской революции было понятие *незавершенной революции*. Мы точно знаем, что считать ее началом, но сложно понять когда же этот социальный переворот завершился?

Возникает вопрос: в чем же тогда заключается поступательное движение революции? Что же осталось после стольких политических и идеологических метаморфоз, после стольких взрывов террора и потрясений? Подобные вопросы возникали и в связи с другими революциями. Например, как и когда завершилась французская революция? Тогда, когда якобинцы подавили Коммуну и «бешеных»? Или когда Робеспьер поднялся на гильотину? А может быть, в момент коронации Наполеона? Или его свержения с престола? [1, с. 201].

На момент 1967-го года Дойчеру представлялось, что социалистическая революция в СССР все еще продолжается, что социальные процессы все еще есть борьба, которая должна завершиться диктатурой пролетариата. Он был оптимистичен и считал, что тенденция в сфере образования создаст сознательную социальную силу, которая способна медленно отвоевывать рычаги управления у профессиональной бюрократии. По всей видимости, его рассуждения относительно бюрократии как социального класса обладали куда большим прогностическим потенциалом, так как прекрасно объясняют роль партийной номенклатуры и решений республиканских элит в событиях, оформивших развал Советского Союза и породивших новый полноценный класс эксплуататоров. Даже если конечные выводы были исторически опровергнуты,

нельзя не признать какую мощную выразительность имели все эти измышления.

Иглтон оценивает революцию скорее негативно. Он связывает это с общим провалом европейской революции и теми крайними мерами, на которые российским коммунистам пришлось пойти. В итоге, лишения, жесткость, террор и тоталитаризм негативно сказались на отношении западных рабочих к коммунизму, а также подпортило имидж марксизма в глазах широких масс, что ставит новую задачу реабилитации коммунизма как движения, аналитического отделения марксистских элементов Советского государства от прочих. При этом, он отмечает, что при рассмотрении общественных достижений первого десятилетия после революции невозможно не отметить ряд несомненно прорывных прогрессивных достижений:

1) практически полное искоренение неграмотности в течение десятилетия в европейской стране, бывшей прежде одной из самых неграмотных;

2) создание более высокого уровня социального равенства и материального благосостояния, чем народы России имели когда-либо прежде;

3) предоставление рабочим гарантий условий труда и ограничение рабочей недели. В западных странах это было достигнуто лишь десятилетиями позднее, благодаря борьбе профсоюзов под давлением, опять же, условий труда в социалистических странах;

4) полное уравнивание мужчин и женщин в правах.

В среде западно-марксистских историков мнение Иглтона скорее одиноко. Кристофер Харман и Иен Бёркхолл оценивают сам факт революции положительно, несмотря на ее провал как революции мировой, однако же считают, что эпоха сталинизма погубила все достижения этого события как социалистической революции. Исаак Дойчер же считал, что и сталинистская эпоха не может похоронить то, что родилось в октябре 1917, говоря о том, что это лишь этапы продолжающейся и прогрессирующей классовой борьбы. Прочие отмеченные авторы склонны смотреть на это как на уникальный источник практического опыта построения социалистического общества, который, несомненно, нужно использовать и при развитии марксистской теории и ее приложении.

Октябрьская революция стала первым событием, предложившим марксизму материал для самопровержения своих частей и актуальной проверки методов социального влияния.

Литература

1. Де Токвиль, А. Старый порядок и революция / А. Де Токвиль. – Воронеж: Социум, 2017. – 380 с.
2. Дойчер, И. Незавершенная революция / Э. Хобсбаум, И. Дойчер. – Екатеринбург: Интер – Версо. 1991 – 272 с.
3. Иглтон, Т. Почему Маркс был прав / Т. Иглтон. – Москва: Карьера Пресс, 2012. – 302 с.
4. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – Москва: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 26. – 590 с.
5. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – Москва: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 37. – 863 с.
6. Лохова, И.В. Положение рабочих в Германии в последней трети XIX – начале XX веков и отношение политической элиты страны к решению рабочего вопроса /

И.В. Лохова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – № 3. – С. 40–44.

7. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 1. – 699 с.

8. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 6. – 761 с.

9. Мэтьюз, М. Становление системы привилегий в Советском государстве / М. Мэтьюз // Вопросы истории. – 1992. – № 2–3. – С. 45–61.

10. Тройницкий, Н.А. Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения. Том Первый / Н.А. Тройницкий. – Санкт-Петербург: Паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1906. – 318 с.

11. Троцкий, Л.Д. История русской революции: в 2 т. / Л.Д. Троцкий. – Москва: ЛитРес, 2000. – Т. II. Ч. 2: Октябрьская революция. – 509 с.

12. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век 1914–1991 / Э. Хобсбаум. – Москва: Изд-во Независимая Газета, 2004. – 632 с.

13. Anderson, P. Consideration on Western Marxism / P. Anderson. – New York: Verso; New edition, 1976. – 140 p.

14. Birchall, I. Rebel's Guide to Lenin / I. Birchall. – London: Bookmarks, 2005. – 64 p.

15. Carr, E.H. The Russian Revolution from Lenin to Stalin 1917–1929 / E.H. Carr. – London: Palgrave Macmillan, 2003. – 200 p.

16. Harman, C. Russia: How the Revolution was Lost / C. Harman // International Socialism. – Autumn 1967. – № 30. – P. 8–17.

17. Hill, C. Lenin and the Russian Revolution / C. Hill. – New York: Palmer Press, 2007. – 266 p.

18. Mikkelsen, F. Working-class formation in Europe: In Search of a Synthesis / F. Mikkelsen. – Amsterdam: International Institute of Social History, 1996. – 42 p.

19. Sewell, R. What is Marxism? / R. Sewell, A. Woods. – London: Wellred, 2015. – 238 p.

V.V. Tisov

OCTOBER REVOLUTION IN THE PAPERS OF WESTERN MARXIST HISTORIANS

The article contains a consistent conception about the October Revolution on the basis of the papers of western historians of Marxism. The question about the necessity of the Revolution and its conditionality is formulated, then, the answer is given via the thesis of historical conditionality, based on the social state of the Russian Empire. On the basis of the papers of western historians, it could be said that Russia was not ready for a socialistic formation due to its weak industrial and social development. However, the only alternative to the destruction of the Russian sovereignty in its previous form was a socialistic formation, which is obligatory in the context of *World revolution*. The difficult social and economical situation could be explicitly explained with classical Marxism's theses of socio-economic formations and the fail of World revolution. Moreover, in the article, further Soviet social development is explained via the view of Soviet bureaucracy as a social class, which tends to fight for their class interests. The formation of Soviet bureaucracy is determined by the conditions of the October Revolution. It allows Marxism to consider Soviet history as a continuing social classes' struggle. The dynamic of Soviet bureaucracy and Stalinism could be seen as the main motivators for frustration of the process of democratization of the Soviet state.

October Revolution, Marxism, western Marxism, USSR, socio-economic formation, class struggle.